

Я тебе доверяю!

Спустись с вершины, взрослый!

Алена Молостова
Фото автора и интернет

Семья – это теплое слово

«Хочу рассказать об одной своей давней ошиб-

ке. Я пришел в одну небогатую семью и долго, как психотерапевт, беседовал с ними об их проблемах. Мне, казалось, постепенно удалось «нащупать» что-то важное и прийти к взаимопониманию... И только уходя, я поднял голову и увидел в крыше дома дыру. То есть, я, увлеченный своей задачей, ее до сего момента даже не заметил! Почему? Потому что я исключил ее из своего восприятия, так как был зациклен на внутрисемейных взаимоотношениях. А когда увидел дыру, понял, что сейчас эта проблема для них важнее всего. К чему я веду? Все организации, работающие с ребенком, попавшим в трудную жизненную ситуацию, своим ведомственным видением сужают перспективу, и зачастую оказываются **не способны увидеть картину в целом».**

Мы встретились в Санкт-Петербурге около года назад на одной из конференций, посвященных не просто социальному сиротству, а конкретно проблеме «вхождения» ребенка в эту государственную систему. Если бы Патрик не был человеком возраста мудрости с абсолютно седой головой, и если бы я не знала, что из девяти-терых его детей семеро – кровные, а двое приемные, я бы, возможно, не пошла на этот мастер-класс. Это было время, когда еще не рассосалась оскомина от бесконечных и довольно жестких трений по поводу ювенальной юстиции (сегодня, учитывая негативный флер этого словосочетания, его не употребляет ни один чиновник, ни большой, ни маленький!), и не хотелось в очередной раз услышать навязчивые поучения от иностранного специалиста.

Он был другим. Говорил иначе, ничего не навязывал и откровенно отвечал на самые неудобные вопросы.

К слову, один из его приемных детей родом из Китая, другой из Африки. Кто-то в нашей аудитории «мило» пошутил: не хочет ли он юбилейного, десятого ребенка, привезти в свой английский дом из России...

Шутка получилась унылой, хотя некоторые рассмеялись. Но мне почему-то стало не только обидно «за державу», но и неловко за нее. В тот миг я подумала: у этой шутницы точно нет приемного ребенка, она из тех, кто «работает с детьми».

А Патрик взял паузу, грустно улыбнулся и сказал: «Что ж, стоит подумать. Возможно, так и будет...»

ДЫРА В КРЫШЕ или УВИДЕТЬ ГЛАВНОЕ

История про дыру в крыше, рассказанная им в начале беседы, была символичной. Сегодня на всех уровнях говорят о межведомственном взаимодействии. Каким-то регионам удалось выстроить более-менее стройную систему взаимоотношений между социальной службой, образованием, к которому относятся детские дома, и здравоохранением, под чьим крылом дома ребенка и больницы, где порой месяцами живут ребятишки; какие-то пошли по пути создания единой структуры, забравшей все их функции себе и не всегда это происходило гладко... Но там и там сложностей хватает и сейчас.

На взгляд нашего собеседника, система, когда разные структуры работают с ребенком, затрагивая разные аспекты его жизни (кстати, эта структура характерна для многих стран) не эффективна. И вот почему.

Система должна стать... РЕБЕНКООРИЕНТИРОВАННОЙ!

«Давайте нарисуем схему. Кто у нас в центре? Кто сказал: «Социальная служба?!» Этим мы и грешим – мы ставим себя в центр деятельности. Нет! В центре у нас – ребенок. Нарисую его счастливым. А вот вокруг ребенка разные организации, которые с ним работают: здравоохранение,

социальная служба, полиция, психологическая служба и т. д. Что мы имеем? Целую систему организаций, которые сами по себе работают с этим ребенком. И каждый из этих профессионалов видит ребенка с точки зрения своей организации. Органы опеки смотрят, чтобы решения были приняты во благо ребенка. Учителя оценивают: насколько ребенок обучаем и так далее. Причем все они работают по-разному.

А ребенок и семья начинают смотреть на этих людей с точки зрения, что они делают как индивидуумы. И начинают общаться с ними индивидуально и с каждым по-разному», – говорит Патрик.

И хотя все заинтересованные структуры обмениваются между собой информацией, прогресс минимален. Потому что они не центрированы вокруг ребенка. Каждая из этих организаций становится центром своей системы, а не ребенок. У каждой из них свой менталитет, свои принципы. И каждая из этих организаций понимает проблемы ребенка исключительно в своем свете.

«Как только мы ставим ребенка в центр, мы получаем систему «Управление случаем». И делаем мы это потому, что ребенку трудно взаимодействовать с 5-6 представителями разных организаций. Менеджер по случаю, его можно назвать ключевым сотрудником, развивает особые отношения с ребенком. И он координирует деятельность всех остальных

Приемный может стать родным

«Вы можете со мной не соглашаться, но семью я бы тоже поместил на периферию, поскольку семья – это тоже контекст для ребенка. В первую очередь вы воспринимаете ребенка как личность с его правами. И вы ответственны перед ним. Это не значит, что вы отодвигаете родителей в сторону. Но это значит, что вы работаете с родителями в ключе того, чего вы хотите достичь для ребенка. И если вы рассматриваете ребенка, как отдельную личность, то возникает возможность потенциального конфликта между интересами этой личности и интересами семьи».

организаций по отношению к ребенку. Такая модель называется *ребенкоцентрированная* или *ребенкоориентированная*. Основная ее идея – участие ребенка, включение ребенка. Он должен быть не только объектом, но и субъектом процесса», – убежден Патрик.

СПОРНАЯ ТЕМА

Момент, по которому мнения не могли не разделиться, это – куда поместить семью? Вариантов несколько: вокруг ребенка, рядом с ним, на периферию... Наши традиции, наш исторически сложившийся уклад говорят о том, что семья – главная ценность для ребенка и он – часть ее. Но наш гость, будучи представителем общества, в котором главной ценностью объявлены права личности, смотрит на это иначе. Его мнение таково:

Уверена, сейчас во многих читателях закипает негодование, и им на память приходят нашумевшие истории, когда русскую маму французского ребенка обвинили в «чрезмерной любви и опеке» и т. д. и т. п. Оставим эту тему для какого-нибудь последующего разговора, просто обозначив разность позиций, а сегодня больше поговорим о чисто психологическом аспекте проблемы понимания интересов ребенка и защиты их.

По большому счету куратор случая или ключевой специалист (а они уже появились в некоторых российских регионах), должен, как ни фантастически это звучит, посмотреть на мир глазами ребенка, проникнуться его чувствами, представить его

позицию по разным аспектам внутрисемейных отношений, его нужды, его запросы... Он должен понять и суметь представить интересы даже крохи, которая пока не может выразить свои мысли.

А вот как найти с ребенком «общий язык», если мы на самом деле признаем его не только объектом, но и субъектом, участвующим в процессе, подходы могут быть разными.

КАК РАЗГОВАРИВАТЬ С ДЕТЬМИ?

«Если я хочу поговорить с взрослым, я могу просто подойти к нему и начать разговор на интересующую его тему. А если я хочу поговорить с ребенком, могу я поступить так же? – задал вопрос аудитории Патрик, и сам же ответил. – Нет. Я должен создать такие условия, чтобы ребенок сам пришел ко мне. Вы же не подходите к трехлетнему малышу с вопросом: «Как ты чувствуешь, что происходит вокруг?» Иногда с детьми вообще нельзя работать с помощью слов. Вербально...»

Его опыт чрезвычайно интересен потому, что собран за долгие годы общения Патрика, как психолога и психотерапевта, с самыми «сложными», самыми закрытыми детьми – девочками и мальчишками, подвергшимися разным видам насилия, в том числе, сексуальному. Когда «с плеча рубить» невозможно, а нужно создать ситуацию, чтобы ребенок «созрел»

для такого общения, чтобы он мог рассказать, что же с ним случилось. В таких ситуациях требуется очень тонкий, профессионально выверенный подход.

Патрик неожиданно встал и, отодвинув в сторону стул, сел... прямо на пол. Он тут же разложил вокруг свои бумаги и, как ни в чем не бывало, продолжил беседу...

«Что полезно в общении с детьми? Вы можете опуститься на их уровень. В буквальном смысле. В частности – просто сесть с ними на пол. Можете даже не играть с ними, а просто сидеть на их уровне.

И никогда не подходите к ребенку, если он к этому не готов. Особенно болезненно к этому относятся дети, пережившие насилие. Вы должны создать условия, чтобы он сам подошел к вам. Как?

Вы можете рисовать, можете писать что-то, вроде бы не обращая внимания на то, чем он занимается.

У меня в офисе, к примеру, есть маленькая песочница, в которой можно повозиться. Мы можем довольно долго так сидеть, вроде каждый занимается своим делом, пока ребенок не подойдет ко мне. Возможно, он меня о чем-то спросит, возможно, я сам начну разговор, почувствовав, что он ждет этого.

Очень многие специалисты делают как раз такую ошибку

– сами подходят и пытаются наладить контакт.

У меня был очень сложный случай. Мальчик девяти лет, подвергшийся сексуальному насилию со стороны родственника, приходил ко мне на один час каждую неделю.

Шесть недель мы с ним вот так просто сидели. А на седьмой неделе он впал в ярость... Он ничего не говорил. Просто все разломал и разрушил в моем офисе. Это был его первый выход на общение. Я его не трогал, не останавливал в этот момент. Только взял мой компьютер, чтобы он не пострадал – там много ценной информации. Все остальное он поломал и порвал.

Мы договорились, что на следующий день он придет и поможет мне все это убрать. Это и должно было стать для него наказанием.

У детей, подвергшихся сексуальному и эмоциональному насилию, бывают очень яркие выплески ярости.

Слов у них может не быть, они выплескивают эти эмоции действиями. Вы можете наказывать их за такие действия, но это не конструктивно. Вы всегда должны помнить о возрастной шкале развития и наказывать их в соответствии с их возрастом».

Поперек скамьи...

Хотя у Патрика своя «возрастная шкала», суть ее недалеко от русской народной мудрости: пока сын лежит поперек скамьи, его еще можно воспитывать, а как вдоль – уже бесполезно. Мой собеседник убежден, что...

«...к моменту, когда ребенок достигает 12 лет, вы уже не можете изменить его поведение».

Итак, первый отрезок жизни ребенка: от нуля до пяти лет. По мнению Патрика – самые важные годы. В это время дети учатся реагировать на все происходящее в мире, и учатся контролировать нас, как родителей.

«Они начинают понимать, что не все они могут делать сами, что они не всемогущие и что иногда у них что-то не получается. И где-то к пяти годам у них появляется осознание того, что у них есть и ответственность перед какими-то другими людьми. Они начинают испытывать то замечательное чувство, которое мы называем виной. Вина – это признак здоровья. И если пятилетний ребенок не

испытывает чувства вины, значит что-то не так. Я не имею в виду, что вину нужно испытывать постоянно, но за определенные моменты ребенок должен чувствовать себя виноватым», – говорит Патрик.

С шести до восьми

С шести до восьми лет у ребенка начинает идти процесс консолидации всего того, что он набрал, и он начинает искать правила, чтобы всю эту систему упорядочить и действовать по правилам.

«Если вы когда-нибудь пытались играть с детьми этого

возраста, вы замечали, что их всегда интересуют правила и они... пытаются манипулировать этими правилами, чтобы всегда выигрывать. Но правила, безусловно, занимают центральное место в их мире».

От девяти до двенадцати

Это начало самого «ужасного» периода, потому что дети начинают бросать вызов правилам. Почему я должен делать это? Почему в девять часов я должен идти спать? А почему бы мне не угнать этот велосипед? Почему я не должен этого делать?

«Вот тут родитель должен занять позицию, как бы конфронтируя ребенку, объясняя ему: делать положено так, так и так. Этот возраст требует, прежде всего, границ. У одного из моих сыновей были большие проблемы в этом возрасте. Мы очень много с ним разговаривали. Каждое утро у нас происходила небольшая планерка. Я говорил ему: «Сегодня ты не будешь делать вот это, это и это». То есть, я задавал ему границы этого дня. Я обеспечивал безопасность и надежность его жизни внутри этих границ. Именно для этого и нужны границы – они обеспечивают безопасность детей», – говорит Патрик.

Еще одна серьезная опасность этого возрастного периода – компьютерные игры, которые становятся альтернативой

взаимоотношениям с людьми. Это очень опасно.

Взросление. От 12 до 18 лет

«Перейдя в следующую стадию 12–18 лет, когда наши дети пытаются идентифицировать себя, если вы не задали им границы в предыдущей стадии, они ищут свою идентичность в безграничном пространстве. И, естественно, в этом возрасте подростки начинают экспериментировать с наркотиками, с сексуальной жизнью и т. д.

После четырнадцати лет вы уже не помогаете им менять поведение, а как бы модифицируете его», – убежден Патрик.

ЗАПРЕТЫ И НАКАЗАНИЯ

Вопрос, которым задается любой родитель: «Как следует наказывать ребенка? Ставить в угол, лишать просмотра кино или прогулки?» Мой собеседник об этом говорит так:

– Совершенно не верю в то, что детей нужно бить, но я считаю, что простые наказания в семье должны присутствовать. У меня есть шестилетняя внучка, очень гиперактивная девочка, и когда она выходит из-под контроля, я ее наказываю так: пять минут сидеть на лестнице. Таким образом она «остывает».

Наверное, должны использоваться определенные предупреждения. Такие, как: если ты еще

раз это сделаешь, мы в кино не пойдём. Но здесь уж вы должны быть последовательными: если сказали, должны именно так и поступить. А если ребенок останется безнаказанным, в следующий раз он в ваше наказание не поверит.

И, самое важное, я считаю, ребенок должен проиграть вам, потому что вы должны задавать границы ребенку.

«Маленький пример. Моей дочери сейчас 26 лет, это невероятно красивая и обаятельная женщина, но когда ей было шесть лет, она была просто ужасна. И вот один раз, когда она вела себя из рук вон плохо, я сказал ей пойти в ее комнату и посидеть там. Она ушла таким образом: вошла, затем снова приоткрыла дверь и сказала: «Я надеюсь, что ты умрешь!» И захлопнула дверь.

Тогда я подошел, открыл дверь и сказал: «Не надейся, скоро я не умру!»

Она снова открыла дверь и сказала: «Зато когда ты умрешь, я получу все твои деньги!» Я открыл дверь и сказал: «А я напишу завещание, по которому ты ничего не получишь!» Она схватилась руками за голову: «Не-е-ет!»

То есть, дети должны почувствовать этот проигрыш. Но, когда они проиграли, вы должны проявить свою заботу, показать, что вы их любите. То есть, вы должны восстановить контакт с ними. На уровне простого контакта глаз или посидеть рядышком».

**И ВОПРОС «НА ПОСОШОК»:
«УДАЕТСЯ ЛИ ВАМ ЛЮБИТЬ
СВОИХ ПРИЕМНЫХ И КРОВНЫХ
ДЕТЕЙ ОДИНАКОВО?»**

- Абсолютно. С ума они меня сводят и доводят точно так же, как и кровные. И, возможно, благодаря этому и мы, и они чувствуем себя семьей (смеется). И права у них точно такие, как и у всех остальных членов семьи.

Алена Архипова
Фото Елены Костиной

Сказка

